

УДК 340 (476)

**ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ
В СВЯЗИ С ИССЛЕДОВАНИЕМ ИСТОЧНИКОВ (ФОРМ) ПРАВА***канд. юрид. наук А.Н. ПУГАЧЕВ*

Практика конституционного правосудия рассматривается в контексте судебной и юридической практики в связи с исследованием проблемы источников (форм) права. Анализируется содержание категории «судебная практика». Определяются структура и элементный состав практики конституционного суда. Исследуется общественный характер практики конституционного правосудия и выясняется ее роль в механизме правового регулирования.

Вопрос, вынесенный в заголовок статьи, - один из самых дискуссионных и запутанных в научной литературе. Он является отражением очень сложной проблемы, "распадающейся" на множество составляющих ее аспектов. Дело в том, что вопрос о сущности практики Конституционного Суда необходимо рассматривать лишь в таком контексте, при котором будет выявлена природа самых разнообразных правовых явлений, без уяснения которых решение постановочного вопроса невозможно. Необходимость же рассмотрения вопроса о сущности практики Конституционного Суда предопределяется рядом объективных факторов.

Во-первых, провозглашение в 1994 году в Республике Беларусь принципа разделения властей поставило в совершенно новые правовые условия судебную власть, куда формально с 1996 года составным структурным элементом входит и Конституционный Суд Республики Беларусь. Громко заявив о себе с самого первого года существования, Конституционный Суд Республики Беларусь сразу же обозначил высокую степень влияния на нормотворческий процесс, заняв очень весомые позиции в правовой системе. Это не могло не изменить место и роль судебной практики в деятельности государства в целом.

Во-вторых, деятельность Конституционного Суда Республики Беларусь призвана обеспечить выполнение особой задачи - гарантировать реальность конституционного порядка, основанного на принципе верховенства Основного Закона, что в силу своей компетенции не может выполнить ни один орган.

В-третьих, с учетом двух указанных обстоятельств назрела явная необходимость научного переосмысления влияния судебной (правильнее даже сказать - юридической) практики в целом и практики Конституционного Суда в частности на состояние правотворческой деятельности и на формирование качественно новой системы источников белорусского права.

В-четвертых, актуальность вопроса предопределена и тем, что научные дискуссии о роли судебной практики в правовой системе очень часто не завершаются определенным результатом, несмотря на то, что ведутся уже несколько десятилетий.

По нашему мнению, глубинный анализ проблемы возможен лишь через выяснение вышеперечисленных взаимосвязанных концептуальных вопросов, постановка которых в юридической теории осуществляется отдельными исследователями. Следует согласиться с утверждением С.В. Бошно [1, с. 24] о том, что одной из причин многолетнего безрезультатного спора является то, что нет единого понятийного аппарата, хотя сама констатация факта отсутствия четкого понятийного аппарата и призывы к его выработке не единожды высказывались в правоведаческой литературе.

Необходимо учитывать, что практика Конституционного Суда является разновидностью судебной практики, которая, в свою очередь, выступает важнейшей составляющей юридической практики в целом. Два последних понятия используются достаточно широко в правоведении, но однозначного подхода в определении указанных категорий не существует. Совершенно ясно, что, не поняв целого, невозможно осмыслить его отдельную часть, фрагмент.

Кроме того, отсутствие общепринятого единообразного взгляда на понятие, структуру и форму судебной практики не позволяет оставить вне рамок рассмотрения проблемы научный спор о формах и источниках права, где ясности и того меньше. Рассуждения о том, является ли судебная практика в целом и практика Конституционного Суда в частности источником либо формой права, очень часто не учитывают саму позицию законодателя, постепенно преодолевающего нормативистские традиции по большинству правовых подходов.

Пожалуй, следует отметить и тот факт, что феномен судебной практики зачастую был предметом самостоятельных исследований дореволюционных русских, а впоследствии и советских правоведа, оставивших после себя оригинальные разработки по данной проблеме. Это означает, что предложенные

ими трактовки неизбежно «обременяют» научные взгляды современных ученых, причем не всегда в пользу уточнения действительно актуальных на сегодняшний день вопросов.

Анализируя место и роль судебной практики в зарубежных правовых системах, некоторые авторы основное внимание уделяют прецеденту, который, как известно, традиционно рассматривается как основная форма права англосаксонских государств. Но в любом случае намечившееся в последние десятилетия сближение континентальной и англосаксонской правовых систем не позволяет с достаточной определенностью утверждать, что всякий зарубежный опыт пригоден для практического заимствования без необходимых на то оговорок и теоретические разработки англосаксонской правовой доктрины вряд ли способны усилить аргументацию континентальных ученых, занимающихся проблемами романо-германского права. Рассматривать же категорию судебной практики через одну из форм несвойственного для нас права и вовсе недопустимо. Да и при изучении судебной практики в правовых системах континентальной Европы наблюдается ее явная переоценка в том качестве, когда она без каких-либо серьезных оснований признается самостоятельным источником (в данном случае и формой) права, к тому же приравнивается по своему характеру к законодательным актам в системе нормативного регулирования. Но такая позиция нам представляется небесспорной, прежде всего, потому, что необходимо очень четко различать ее роль как источника и как формы права, что не всегда делается.

На сегодняшний день со всей определенностью можно констатировать ситуацию, при которой единство в характере творческой роли судебной практики у различных авторов не означает, однако, полного совпадения взглядов на проблему нормативного характера судебных актов, в том числе и конституционных судов. Сохраняется уж очень значительная амплитуда в конечных выводах относительно места судебной практики в системе источников права, что, во-первых, не вполне корректно с точки зрения точности юридической терминологии; во-вторых, научная дискуссия в ряде случаев неоправданно являет собой подмену понятий, когда вопрос о формах выражения юридических норм незаметно подменяется рассуждениями о «праворазвивающей» и «правообразующей» функции судебных органов. Следует помнить, что судебная практика в ее динамическом и статическом выражении - неразрывно взаимосвязанные, но относительно самостоятельные явления. Именно с этой наиболее распространенной ошибки можно начать уточнение наших позиций по перечисленным проблемным вопросам.

Необходимо отметить, что термин *судебная практика* в настоящее время встречается не только в литературе по общей теории права и по отраслевым юридическим наукам, но достаточно активно используется законодателем. Хотя Конституция Республики Беларусь не упоминает данного термина, в некоторых законодательных актах он сформулирован достаточно четко. Так, согласно ст. 49 Закона Республики Беларусь «О судостроительстве и статусе судей» Верховный Суд Республики Беларусь помимо рассмотрения конкретных дел по первой инстанции, в кассационном порядке либо в порядке надзора наделен также правом изучать и обобщать *судебную практику*, анализировать судебную статистику и давать разъяснения по вопросам применения законодательства Республики Беларусь, которые возникают при рассмотрении судебных дел. В ст. 12 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных судах в Республике Беларусь» закреплено правило, в силу которого Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь изучает и обобщает практику применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего отношения в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, дает разъяснения по вопросам *судебной практики*.

В отношении деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь законодатель нигде не упоминает этот сложившийся речевой и нормативный оборот, что представляется не совсем оправданным. Мы еще раз подчеркнем мысль о том, что деятельность Конституционного Суда Республики Беларусь является разновидностью судебной практики, пусть даже в своем специфическом выражении. Судебная же практика охватывается еще более широким понятием юридической практики, которая, в свою очередь, - понятием социальной практики. На сегодняшний день невозможно представить себе развитие и функционирование правовой системы белорусского общества без всех указанных видов социальной практики. Практика Конституционного Суда Республики Беларусь призвана играть существенную интегрирующую роль в этой сложной системе, связывая в единое целое нормативно-правовые и индивидуально-конкретные предписания, субъективные права и юридические обязанности, правовые идеи, позиции, принимаемые на их основе решения. Она обязана способствовать целенаправленному юридическому изменению общественной жизни, что достигается при помощи осуществления полномасштабного, «тотального», а не выборочного нормоконтроля, толкования и конкретизации нормативных актов, единогообразного применения конституционных норм и принципов.

Практике конституционного правосудия как одной из разновидностей социальной практики свойственны черты, присущие любой практике. Однако очень глубоко вовлеченный в правовую систему общества в процессе правового регулирования данный вид практики обретает очень многие новые юриди-

ческие качества, которые и позволяют рассматривать ее как относительно самостоятельный тип практики. Как показал опыт функционирования судебного конституционного контроля в Республике Беларусь, такая практика в той или иной степени влияет на очень многие стороны общества и государства, способствуя развитию происходящих в них процессов, либо, наоборот, тормозя их. Это приводит к тому, что в процессе практики конституционного правосудия возникают разнообразные политические, социальные, экономические и иные изменения. Само собой, она всегда порождает очень существенные последствия в рамках всей правовой системы.

Для выявления роли практики Конституционного Суда в качестве источника (формы) права необходимо определить само явление. Но в связи с тем, что такая практика является разновидностью как судебной, так и юридической практики в целом, отметим тот факт, что в правоведении всегда существовали различные мнения о понятии юридической практики.

Как отмечает В.Н. Карташов [2, с. 459], на сегодня можно выделить три основные точки зрения, с чем полностью следует согласиться. Действительно, зачастую практика отождествляется только с юридической деятельностью. Другие ученые, например, С.С. Алексеев [3], С.И. Вильнянский [4], А.Н. Обьденнов [5], М.Н. Марченко [6], стремясь отграничить юридическую практику от юридической деятельности и представить ее в качестве относительно самостоятельного явления, причисляют к ней лишь определенные итоги, т. е. обьективированный опыт правовой деятельности. И, наконец, согласно третьему подходу любой вид юридической практики должен рассматриваться в неразрывном единстве правовой деятельности и сформированного на ее основе социально-правового опыта. В преломлении на практику конституционного правосудия такая точка зрения представляется наиболее предпочтительной. Ее придерживаются, в частности, Е.Б. Абросимова [7], С.В. Бошно [1], Е.Ю. Киреева [8], В.О. Лучин [9] и другие авторы. По мнению В.Н. Карташова [2, с. 459], ошибочность первых двух позиций состоит в том, что в первом случае из практики исключается такой существенный ее элемент, как юридический опыт, во втором - допускается другая крайность: результаты деятельности, обьективированный вовне опыт отрываются, противопоставляются самому процессу деятельности, не учитывая того факта, что практическое преобразование общественной жизни происходит не только с помощью решений и положений, выражающих итоговую сторону юридической деятельности, но и непосредственно в ходе этой деятельности, при осуществлении организационно-конструктивных правовых действий и операций.

Поэтому можно согласиться с тем, что третья точка зрения позволяет точнее определить природу практики Конституционного Суда и основные элементы ее структуры, обьективнее отразить диалектику прошлой (ретроспективной), настоящей и предстоящей деятельности, а также понять значение опыта конституционного правосудия в механизме правового регулирования.

Общественная природа практики конституционного правосудия проявляется, прежде всего, в том, что, во-первых, она обусловлена другими видами юридической практики (парламентской, президентской и др.); во-вторых, любая юридическая деятельность, в том числе и Конституционного Суда, обязательно предполагает соответствующие формы сотрудничества между ее объектами и участниками, обмен информацией и результатами; в-третьих, накапливаемый в государстве опыт конституционного контроля должен рассматриваться совокупным продуктом совместной деятельности всех субъектов, которые причастны к реализации идеи конституционной законности.

Отмеченные ранее специфические черты и особенности практики конституционного правосудия позволяют сделать вывод о том, что такой вид практики занимает относительно самостоятельное место в правовой системе общества и играет значимую роль в механизме правового регулирования. Таким образом, практика Конституционного Суда включает в себя два основных слагаемых: юридическую деятельность и социально-правовой опыт, где динамическая сторона практики выражена преимущественно в деятельности, а статическая - в правовом опыте. Поэтому структурный анализ практики Конституционного Суда предполагает ее исследование в диалектическом единстве содержания и формы. Содержание позволяет раскрыть совокупность образующих такую практику внутренних свойств и элементов, характеризующих само явление. Под формой же следует понимать способы организации, существования и внешнего выражения содержания практики конституционного правосудия. Это означает, что как динамическая, так и статическая сторона практики Конституционного Суда имеет свою отдельную структурированность.

В настоящее время изучению понятия «практика конституционного правосудия» уделяется недостаточно внимания. Куда более разработанной является такая масштабная и родственная категория, как «судебная практика», исследование которой представляется неизбежным при анализе первого термина.

Здесь же можно определить понятие практики Конституционного Суда, которая, с нашей точки зрения, представляет единство судебной деятельности по осуществлению конституционного правосудия и опыта этой деятельности, обьективированного в форме решений Конституционного Суда. Такая сформулированная позиция позволяет учитывать два важнейших слагаемых любого вида юридической дея-

тельности, ее динамический и статический аспект. Хотя, следует признать, в современной научной литературе высказывается совершенно справедливое мнение о том, насколько корректно объединение в одну категорию двух несовместимых понятий (процесс и результат), объем которых не совпадает? Это ведет к нарушению законов логики. Нельзя, например, объединять понятия "правотворчество" и "право". Представляется более верным рассматривать судебную практику в динамическом смысле через судебную деятельность, а в статическом смысле - через выработанные ... объективные положения, обеспечивающие правильное и единообразное применение законодательных норм, т. е. правоположения [5, с. 115]. Не оспаривая высказанной точки зрения, всего лишь отметим тот факт, что столь широкое понимание термина "практика" - это его достоинство и одновременно недостаток. Именно поэтому такие понятия как "практика Конституционного Суда", "судебная практика", "юридическая практика" нуждаются в углубленном анализе с учетом всех высказанных научных точек зрения, иначе любое исследование будет односторонним и не даст сколько-нибудь значимых результатов. Только такой подход, по нашему мнению, позволяет различать роль любого вида юридической практики как источника и как формы права, а в таком вопросе, как известно, бесспорных позиций не существует, и потому очень важно учесть самый широкий спектр мнений, не забывая, само собой, о необходимости придерживаться собственной позиции даже по столь запутанной проблеме.

В самом общем смысле под практикой Конституционного Суда следует понимать деятельность, связанную с осуществлением функции нормоконтроля, взятую в единстве с накопленным социально-правовым опытом. Такая деятельность, как и любой вид юридической практики, имеет свою четкую структуру, элементами которой выступают:

- объект;
- субъекты и участники;
- юридические действия и операции;
- средства и способы их осуществления;
- принятые решения и результаты действий;
- формируемый собственный юридический опыт.

Предложенный вариант структуры практики конституционного правосудия не должен рассматриваться просто как набор (состав) определенных элементов, ведь взаимообусловленность развития всех компонентов практики судебного конституционного контроля обеспечивается "генетическими и функциональными, внутренними и внешними, прямыми и обратными связями и отношениями, с помощью которых совершается перенос энергии, информации, свойств, осуществляется взаимный обмен результатами различных видов, помощь в реализации разнообразных полномочий и функций" [2, с. 464]. В любом случае, практика Конституционного Суда должна быть представлена многогранно в различных системах координат, отражающих как специфику отправления конституционного правосудия, так и весь опыт судебной деятельности. По нашему мнению, этому должна способствовать предложенная нами система соподчиненных понятий (классов, объектов), которая может быть использована как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов. Напомним, что она выглядит следующим образом: практика конституционного суда - судебная практика - юридическая практика - социальная практика. Для нашего исследования в первую очередь важен анализ такого составляющего звена, как практика конституционного суда - судебная практика.

Вообще проблема установления связей между родственными объектами неизбежно связана с вопросом о классификации тех или иных явлений, поскольку это очень важно с точки зрения первичной обработки, упорядочения соответствующего материала, ведь помимо систематизационных задач исследования классификация выполняет и другие функции. Так, по мнению Е.Ю. Соловьева, "с ее помощью можно наглядно представить весь объем классифицируемого материала, охватить большой диапазон изучаемых объектов и, следовательно, избежать односторонности их научной интерпретации. Классификация при определении ее критериев выявляет новые существенные черты, качественные особенности данных предметов и явлений" [10, с. 93]. Среди всего многообразия оснований классификации судебной практики на протяжении нашего исследования мы придерживались, прежде всего, *функционального признака*, определяемого в зависимости от вида судопроизводства. Собственно, практику Конституционного Суда мы всегда рассматриваем как одну из разновидностей судебной практики, наряду с практикой судов общей юрисдикции и хозяйственных судов. Это еще раз подчеркивает мысль о том, что как характерные черты, так и специфические особенности практики конституционного правосудия правильнее всего обнаружить по линии: практика конституционного суда - судебная практика, где вторая составляющая, как родовый объект, являясь достаточно сформировавшейся и разработанной юридической категорией, способна придать необходимое новое качество научной дискуссии по данной проблеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бошно С.В. Судебная практика: источник или форма права? // Российский судья. - 2001. - № 2. - С. 24-27.
2. Карташов В.Н. Юридическая практика: Курс лекций. Лекция 20. Теория государства и права. / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. - М.: Юристъ, 1997. - С. 459 - 471.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. - М.: Юрид. лит, 1982. - Т. 2. - 360 с.
4. Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве. / Ученые труды ВШЮН. - 1947 - Вып. IX. - С. 244-253.
5. Обыденнов А.Н. Правоположения судебной практики // Журнал российского права. - 2002. - № 1. - С. 115-117.
6. Марченко М.Н. Является ли судебная практика источником российского права? // Журнал российского права. - 2000. - № 12. - С. 11-21.
7. Абросимова Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. - М.: Ин-т права и публичной политики, 2002. - 160 с.
8. Киреева Е.Ю. Конституционный Суд и конституционное судопроизводство: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Кубанский государственный аграрный ун-т. - Ростов-на-Дону, 1997. - 23 с.
9. Личин В.О., Моисеенко М.Г. Формирование правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам конституционного права // Сб.: Теоретические проблемы российского конституционализма. - М., 2000. - С. 54 - 73.
10. Соловьев В.Ю. Понятие судейской практики // Журнал российского права. - 2003. - № 1. - С. 92 - 97.